

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АРКТИКЕ

УДК 332.05/330.15

Ю. Ф. Лукин

АРКТИЧЕСКИЕ МЕГАТRENДЫ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Статья посвящена анализу ключевых арктических мегатрендов, оказывающих масштабное и наиболее длительное влияние на современную ситуацию в Арктике. К их числу можно отнести следующие: возрастающая гуманитарная и социально-экономическая активность, экологическая взаимозависимость и потребность перехода к зеленой экономике; Великий передел Арктики: борьба за пространство, коммуникации, арктические ресурсы; формирование арктической модели многополярности современного изменяющегося мира. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: Арктика, мегатренды, зеленая экономика, солидарность, великий передел, национальные интересы, многополярность.

Yu. F. Lukin

ARCTIC MEGATRENDS IN A CHANGING WORLD

The article is devoted to the key Arctic megatrends as well as their large-scale and lasting impact on the current situation in this area. Among them are the following: growing humanitarian and socio-economic activity, ecological interdependence and the need for a transition to the green economy, Great Arctic reform, the struggle for space, communications and Arctic resources, establishment of a multipolar Arctic model in a modern changing world. Refs 12.

Keywords: Arctic, megatrends, green economy, solidarity, Great redistribution, national interests, multipolarity.

В Арктике достаточно явно проявляется мегатренд к активизации всех видов человеческой и геополитической деятельности, обострению конкуренции в экономике. Природные ресурсы и несомненный туристический потенциал Арктического региона, оживающие транспортные морские и воздушные коммуникации, создание арктической инфраструктуры не просто привлекают пристальное внимание человека, бизнеса, государства, общества, но и ведут к разработке всякого рода проектов, динамичному росту мобильности, социальной активности. Данный процесс охватывает практически все сферы жизнедеятельности социума и многие виды человеческих интересов и занятий. Это относится не только к науке и техни-

---

Лукин Юрий Федорович — доктор исторических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Арктика и Север» Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова; lukin.yury@mail.ru

Lukin Yuri F. — Doctor of History, Professor, Editor-In-Chief “Arctic and North” journal at the Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov; lukin.yury@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

ке, геополитике и экономике приарктических и других государств мира, но и к туризму, духовно-культурной жизни, социальной сфере северных социумов.

В связи с активизацией гуманитарной и социально-экономической деятельности в Арктике масштабное и наиболее длительное влияние на современную ситуацию оказывает ключевой мегатренд, который обозначен мною как экологическая взаимозависимость, арктическая солидарность, потребность перехода к зеленой экономике в Арктике. *Экологическая взаимозависимость* определяется как качество отношений человек–природа с целью сохранения окружающей среды, что несомненно актуализирует потребность перехода к зеленой экономике в Арктике. *Арктическая солидарность* человеческой деятельности — это способность вести диалог и договариваться о введении ограничений, стандартов, правил поведения людей, бизнеса и государств для сохранения хрупкой арктической окружающей природной и культурной среды. При всем несовпадении мнений о будущем Арктического региона экологическая взаимозависимость, зеленая экономика в широком смысле остаются основной парадигмой продолжающихся дискуссий, научных прогнозов, что конкретно проявляется в необходимости баланса между экономикой и экологией; человеческом факторе, который во многом определяется ответственностью людей, качеством человеческого капитала, социальной сплоченностью населения; профессиональном, компетентном управлении; наличии нормативно-правовой базы для решения возникающих проблем сбережения окружающей арктической среды; сроках внедрения современных природосохраняющих технологий, инноваций в практику деятельности, в наличии инвестиций для этого, так как такой подход ведет к росту себестоимости добываемых ресурсов, увеличению расходов; наличии инфраструктуры для обеспечения необходимого уровня свободы передвижения людей, финансов, товаров и услуг, информации, а также в обоснованном снятии существующих ограничений в трансграничной мобильности в Арктике туристов, путешественников, коренных народов (визы, квоты, таможи и т. п.).

В Арктике пока не получили широкого распространения технологии шестого технологического уклада, зеленая экономика (Green economics, Ecological economics). Переход от традиционной модели экономического роста к зеленой экономике — это общемировой тренд с опорой на ресурсосберегающие и экологически безвредные производства, повышение благосостояния людей и снижение рисков для окружающей среды, подчеркивает доктор экономических наук С. А. Липина [1, с. 54]. Ключевой проблемой развития зеленой экономики в Арктике становится переход на новые технологии переработки отходов, создание безотходных производств. «Если традиционная экономика совмещает труд, технологии и ресурсы, чтобы производить товары конечного пользования и отходы, то зеленая экономика должна возвращать отходы обратно в производственный цикл, нанося минимальный вред природе», — считает известный экономист Павана Сухдев [2]. Не вдаваясь детально во все аспекты понимания зеленой экономики, отмечу несколько актуальных позиций, имеющих важное значение для социально-экономического развития регионов Арктики и Севера РФ. *Во-первых*, важно понять и принять, что концептуально зеленая экономика очень близка традиционной культуре северян, их мировосприятию, ценностям и может сыграть в перспективе огромную роль в социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока, всего населения Арктической зоны России. Во-вторых, применение в Арктике и на Севере России современных технологий генерации энергетики (например, проект Мезенской приливной гидроэлектростанции), энергоэффективность в строительстве и на транспорте, бережное отношения к потреблению воды и выход на рынок с этим новым товаром, утилизация отходов — все это открывает уникальное *окно возможностей* для того, чтобы занять лидирующие позиции в развитии зеленой экономики. В-третьих, в российской Арктике уже несколько лет ведется масштабная очистка загрязненных островных и прибрежных территорий, удаляются и вывозятся накопленные ранее отходы. К этой работе активно подключились регионы, федеральные министерства и ведомства, в том числе Министерство обороны РФ. Задача сегодня заключается в том, чтобы не допустить в будущем конфликтных ситуаций, связанных с появлением новых загрязняющих производств, особо обращая внимание на развитие ЖКХ, урбанистической инфраструктуры Мурманска, Воркуты, Норильска, Северодвинска, Тикси, других городов и поселков, где проживает 80 % всего населения АЗРФ, на жизнедеятельность постоянных и вахтовых поселений на островах в акватории Северного Ледовитого океана (СЛО). В-четвертых, основная проблема во многом заключается в экономической цене вопроса, масштабах затрат и сроках окупаемости экологических проектов при переходе к зеленой экономике на северах, в том числе при эксплуатации Северного морского пути. Вопрос о том, где взять необходимые ресурсы, найти источники финансирования для продвижения зеленой экономики в АЗРФ, остается открытым. В-пятых, дискуссионным и противоречивым в общественном мнении всегда был и остается вопрос о тотальном запрете хозяйственной деятельности в крайне уязвимом с позиций экологии Арктическом регионе.

В научной среде, Интернете, СМИ обсуждается вопрос о том, своевременно ли вообще начинать активную эксплуатационную деятельность по разработке природных ресурсов Арктики. Часть ученых, экологов и даже представителей бизнеса выступают за консервацию природных арктических богатств и сохранение в нетронутой чистоте и первозданном виде биологического разнообразия Арктики для будущих поколений. Имеет смысл ввести временные ограничения в РФ на добычу углеводородов на глубоководном континентальном шельфе в северных морях, а частному бизнесу, госкомпаниям предложить сосредоточиться на прибрежных мелководных акваториях, на применении технологий добычи нефти с максимально возможным извлечением запасов из скважин на суше, использованием (а не сжиганием) попутного газа, поиске других резервов. Правительству РФ давно пора дать поручения о разработке или коррекции специальных экологических стандартов для российской Арктики с учетом мирового опыта, достижений современной науки и права.

Следующему мегатренду, условно названному мною «Великий передел Арктики», исполняется уже более сотни лет. С начала XX столетия в Арктическом регионе идет борьба за пространство, коммуникации, ресурсы. Этапы данного процесса, другие концептуальные вопросы конкретно рассматривались мною в двух монографиях [3; 4] и ряде статей. Поэтому я не буду останавливаться здесь на содержании многолетней борьбы за Арктику. После принятия Конвенции ООН по морскому праву (1982) многие страны мира вполне легитимно установили не только границы своих территориальных вод, но и двухсотмильные исключительные эконо-

мические зоны (ИЭЗ). Однако остаются сомнения в том, насколько цивилизованно будет разделен континентальный шельф (морское дно и его недра) за пределами ИЭЗ до 350 морских миль. В настоящее время обостряется борьба за его раздел между Данией, Канадой и Россией. Не определены пока правила добычи *возможных* биоресурсов в так называемой зоне ООН — циркумполярной части Северного Ледовитого океана (вокруг полюса). Не прекращается борьба за интернационализацию Севморпути (Россия) и Северо-Западного прохода (Канада). Другими словами, Арктика уже давно является ареной конфликтности.

В продолжающийся Великий передел Арктики втягиваются не только арктические государства, но и Китай, Индия, Япония, Южная Корея, другие страны, не имеющие непосредственного выхода к морям в акватории СЛО, но заинтересованные в использовании природных ресурсов и транспортных коммуникаций в Арктике. Главной целью геополитической стратегии многих стран, а не только арктических, становится борьба за нефть и газ, транспортные коммуникации, обеспечение своего преимущества в Арктике. Роджер Говард в своей книге, изданной еще в 2009 г., образно обозначил эти процессы как «новую гонку за завтрашние ресурсы» [5, с. 218]. Китай сделал попытку приобрести у Исландии самый северный остров (точнее — скалу), принадлежащий этой стране, — Колбейнси. «Его площадь составляет 90 кв. метров, что, естественно, не позволяет вести на нем никакую экономическую или военную деятельность. Однако этот остров находится к северу от Полярного круга, поэтому владение им автоматически сделало бы Китай арктической страной и позволило бы претендовать на место в Арктическом совете, проводя там свои интересы» [6, с. 95]. Подобных прецедентов в XXI в. еще не было. Китай, как и США, выступает за интернационализацию Северного морского пути и Северо-Западного прохода, что не согласуется с позицией России и Канады.

Практически все приарктические страны имеют претензии к друг другу по поводу тех или иных территорий, входящих в зону Арктики. Канада с Данией уже три десятка лет не могут поделить крошечный каменистый островок Ханса, расположенный во льдах Северо-Западного прохода. Великобритания спорит за континентальный шельф с Данией, Исландией и Ирландией. У России с Норвегией камнем преткновения остается деятельность на Свальбарде (Шпицбергене). США ведут диалог с Канадой из-за морской границы в море Бофорта, пролива Хуан-де-Фука, острова Макиас-Сил.

Глобальные масштабы приобрела геополитическая нестабильность, возникшая после государственного переворота на Украине и начала военных действий против ИГИЛ в Сирии. Ее проявления несомненно затрагивают и Арктику, где и без того складываются напряженные международные отношения, связанные с разделом континентального шельфа, экономикой и экологией при бурении нефтегазовых скважин. Введение санкций и попытки международной изоляции России только усугубляют ситуацию. Волновой эффект кризиса международных отношений ведет к формированию политической линии разлома и в Арктическом совете (Arctic Council). США, Канада и другие приарктические страны прекратили не только экологическое, но и другие формы сотрудничества с Россией, включая запланированные совместные военные учения, дружественные визиты в морские порты. В СМИ прозвучало определение Арктики как второго фронта для России. «Арктика разрывается между конкуренцией и стремлением к сотрудничеству,

оставаясь при этом областью сильнейшего давления, которое не стихает с конца холодной войны. Это тем более верно, что ни у одного из институтов регионального сотрудничества нет полномочий для решения вопросов безопасности и предотвращения конфликтов. В крупнейшем из них, Арктическом совете, вообще запрещено поднимать эти темы», — так характеризовал современную ситуацию французский журналист Ромен Мбелькарек [7]. «Следует учитывать и то, что наша Арктическая зона — территория непрекращающихся межгосударственных конфликтов и притязаний, острота которых, с большой вероятностью, будет нарастать, поэтому ожидаемое усиление промышленного, транспортного и иного освоения этой зоны российскими хозяйствующими субъектами должно быть сопряжено с вынужденным наращиванием оборонного потенциала территории в целях ее защиты от возможной агрессии и экономических претензий со стороны других государств (в том числе неарктических), заинтересованных в пространственных и природных ресурсах арктического макрорегиона», — подчеркивают известные российские ученые В. В. Ивантер, В. Н. Лексин, Б. Н. Порфирьев [8].

На заседании коллегии МИД РФ 23 июня 2015 г. по итогам обсуждения вопроса «О политике России в Арктике» подчеркивалось, что в Арктическом регионе сегодня нет вызовов, которые имели бы военную природу и предполагали силовые решения, в особенности активизацию на Крайнем Севере деятельности НАТО и втягивание в нее внеблоковых государств [9]. (Вместе с тем Россия готова реагировать на новую ситуацию, имея соответствующий потенциал для обеспечения интересов своей национальной безопасности.) Великий передел Арктики далеко не завершен и в XXI в. становится частью перманентной диффузной (гибридной) войны с целью трансформации мировоззрения и ценностных ориентаций населения, для чего применяются самые современные знания и технологии в политике, экономике, финансах, культуре, экологии. Россию потихоньку выталкивают даже со Шпицбергена, который 95 лет имеет особый международный экономический статус и является образцом сотрудничества в ведении социально-экономической, научной деятельности в Арктике. Кстати, позитивный опыт реализации особого экономического статуса Шпицбергена можно применить и на Курильских островах.

Этническая напряженность внутри российской Арктики, горячие этнические точки на бытовом, культурном, конфессиональном уровнях, вопросы экологии могут использоваться США и их союзниками в качестве одного из инструментов политики в рамках мягкой силы здесь и сейчас. Маловероятно, что приарктические страны, цивилизационную основу которых исторически составляют христианские ценности протестантизма, католицизма, православия, даже на основе устойчиво стабильных отношений диалога и партнерства в Арктическом совете могут стать в ближайшем будущем опытной площадкой всего человечества по созданию и функционированию институтов гармонизации этнических и конфессиональных отношений в Арктике. Этому постоянно будут мешать различные национальные интересы Арктической двадцатки (АС-8 — члены, АС-12 — наблюдатели), проведение долговременной политики санкций против России, усиление разведывательной деятельности США в Арктическом регионе. Мир очень быстро изменяется, и сегодня высказываются мнения о возможном переформатировании Арктического совета, как это прозвучало уже в рамках V международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубеж-

ной научной общественности 15–16 сентября 2015 г. в городе Архангельске в одном из выступлений.

Долговременный арктический тренд России обусловлен пониманием национальных интересов. Чаще всего говорят и пишут о национальных интересах Российского государства. Однако известно, что национальные интересы как осознанные потребности имеет не только государство, но и бизнес, гражданское общество, личность. Их совпадение способствует формированию общенациональных интересов или, наоборот, разъединяет арктических стейкхолдеров. Это прежде всего государственная политика по отношению к реальным потребностям 2,5-миллионного населения российской Арктики, к модернизации управления АЗРФ, бюджетным расходам арктических проектов, в том числе в сфере обороны, развития инфраструктуры. Проявляется различие интересов к проблеме эксплуатации Севморпути со стороны производителей ледокольных и иных судов, существующих и потенциальных грузоотправителей, конкурирующих транспортных систем [8]. Не случайно бизнес, государственные транспортные и нефтяные корпорации длительное время были нацелены на постройку судов, морских платформ и другого оборудования за рубежом и не проявляли интереса к импортозамещению и загрузке отечественных предприятий.

Национальные интересы России в Арктике фактически касаются всего населения РФ, бизнеса, государства. И проявляются, по моему мнению, в том, что, *во-первых*, значительная часть населения в России меньше всего заинтересована в «железном занавесе» из прошлого, военной конфронтации и в риторике времен холодной войны. Часть людей считает возможным сохранить природные ресурсы Арктики для следующих поколений. *Во-вторых*, нашей стране в Арктике просто не нужны чужие территории, острова и акватории. Нам вполне достаточно своего огромного северного пространства, которое нуждается в *переходе на принципы зеленой экономики*, развитии инфраструктуры, улучшении качества жизни населения, его социальной сплоченности. *В-третьих*, Российское государство и бизнес объективно нуждаются в международной кооперации усилий, инвестиций для освоения ресурсов Арктики и перехода к зеленой экономике, в новейших современных технологиях и оборудовании, доступности кредитов, обеспечивая свои национальные интересы (потребности), в «арктической солидарности».

Сегодня будируется проблема легитимного применения Россией секторального подхода в Арктике [10], что фактически ведет к отказу от ратификации Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS). Зачем же тогда наша страна второй раз подает заявку в Комиссию ООН по арктическому континентальному шельфу, за что мы боремся в таком случае? За денонсацию ратифицированных Российской Федерацией международных договорных обязательств по UNCLOS. Федеральный закон № 30-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву» был подписан Президентом РФ 26 февраля 1997 г. Вариант денонсации не исключается, но тогда представляется важным изучить возможность, последствия и риски денонсации Россией UNCLOS (1982) и принятых соглашений. Соблюдение требований этих документов является сильной стороной международных отношений. Используются возможности легитимного использования Севморпути, прав на участки континентального шельфа в Охотском и других морях

Мирового океана. Однако единого правового режима, универсально признанного всеми нациями, в Северном Ледовитом океане пока практически не существует, так как США не ратифицировали UNCLOS 1982 г. Существует проблема правовых режимов СМП и С-ЗП как национальных коммуникаций против концепции международных проливов. Угрозы заключаются в том, что денонсация РФ UNCLOS (1982) может привести к ограничению прав Российского государства и бизнеса в Мировом океане, росту международной напряженности, интернационализации СМП и милитаризации в Арктике.

Необходимо также отметить, что управление Арктикой в рамках действующего Арктического совета как закрытого клуба «Арктической восьмерки», пять участников которой входят в НАТО, становится в какой-то степени опасным для Российского государства и его национальных интересов. Здесь уместны аналогии. Известно, что при принятии санкций против России весной 2014 г. США поддерживали не только их союзники по НАТО, но и все члены «Большой семерки». Зато в «Большой двадцатке» — (G20) на международной арене Россия получила поддержку стран БРИКС. Очевидно, что для России более приемлемой становится ориентация на создание и функционирование многополярной «Арктической двадцатки» с учетом того факта, что в «Арктической восьмерке» наша страна находится в гордом одиночестве при тотальном господстве США и их союзников по НАТО, их попытках международной изоляции Российской Федерации. Понятно, что проблемы международного взаимодействия в Арктике не надо идеализировать, затушевывать, но нет нужды и демонизировать их.

В Арктическом регионе уже действует немало общественных советов, форумов, комитетов: Северный форум (1992), Совет Баренцева/Евроарктического региона (1993), Постоянный комитет Конференции парламентариев Арктического региона (1994) и многие другие. Входящие в те или иные международные структуры государства в своей деятельности нередко преследуют прямо противоположные цели, аффилированы с НАТО, США, ЕС. Однако появляются и новые политические акторы. Функционирует «The Arctic Circle» (Арктический круг) — открытая некоммерческая организация. Это новая арктическая площадка для облегчения диалога и выстраивания отношений, в том числе и с Китаем, Индией и другими государствами, которые не имеют права голоса в Арктическом совете.

Межцивилизационный вызов всему человечеству, связанный со становлением поликультурной общности землян, несомненно требует сближения этносов, религий, культур, в том числе в Арктике, и одновременно входит в противоречие со стремлением к идентичности, регионализации, влиянием автономных самоуправляемых общин. Происходит изменение фундаментальных ценностей жизни и культуры, люди готовы обменять свободу на безопасность при постоянной угрозе терроризма. Утрачивают социальный смысл гендерные различия, происходит девальвация консервативных, в том числе христианских, ценностей. В некоторых регионах мира источником конфликтов вновь становятся воинствующий национализм, духовная, религиозно-политическая экспансия. В отдаленной, долгосрочной перспективе возрастает значимость общепланетарных соглашений между существующими цивилизациями и конфессиями, а не межрегиональных соглашений под эгидой США типа Транс-тихоокеанского партнерства в ущерб ВТО. Глобализация вообще фактически утрачивает сегодня всякий смысл.

Конечно же, реальность XXI в. отличается от межэтнической картины глобального социума в конце прошлого столетия своей нестабильностью. При этом зарождение «цветных революций» в Арктике маловероятно, хотя конфликтные ситуации здесь все же периодически возникают. Как показывает практика, угрозы терроризма в Арктике становятся вполне реальными с учетом того, что «терроризм имеет социальные корни там, где возникают проблемы в социально-экономическом развитии территории, в национальной политике государства, деятельности органов власти и управления субъектов РФ, местного самоуправления, в работе правоохранительных органов» [11, с. 44].

В заключение отмечу, что на основе проведенного анализа к числу ключевых арктических мегатрендов, оказывающих масштабное и наиболее длительное влияние на ситуацию в Арктике, можно отнести: социально-экономическую, гуманитарную активность в Арктике; экологическую взаимозависимость, арктическую солидарность и потребность в переходе к зеленой экономике; Великий передел Арктики: борьба за пространство, коммуникации, арктические ресурсы; формирование арктической модели многополярности современного изменяющегося мира. Остается только надеяться на лучшее, как справедливо говорят дипломаты: «Только через сотрудничество можно обеспечить процветание, мир и стабильность в Арктике» [12, с. 12].

Литература

1. Липина С. А. «Зеленая» экономика — путь развития государств в XXI веке // Арктические ведомости. 2015. № 3 (14). С. 54–59.
2. Зеленая экономика. URL: <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic> (дата обращения: 24.10.2015).
3. Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. 400 с.
4. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 281 с.
5. Howard R. The Arctic Gold Rush. The New Race for Tomorrow's Natural Resources. London; New York: Continuum books, 2009. 272 p.
6. Храмчихин А. А. Значение Арктики для национальной безопасности России, Китай может стать арктической державой // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 94–96.
7. Мелькарек Р. Арктика — второй фронт для России. 18.04.2014. URL: <http://inosmi.ru/world/20140418/219663638.html> (дата обращения: 20.04.2014).
8. Ивантер В. В., Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Арктический мегапроект в системе государственных интересов и государственного управления. URL: usrand.ru/analytics/arkticheskij-megaproekt-v-sisteme-gosudarstvennyh-interesov-i-gosudarstvennogo-upravlenija (дата обращения: 01.04.2015).
9. О заседании коллегии МИД России. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/5998AF30EFA54CDC43257E6D0037118B (дата обращения: 13.09.2015).
10. Арктический шельф: последствия изменения в 1997 г. международно-правовой позиции России (беседа с А. Н. Вылегжаниным) // Арктика и Север. URL: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=237724 (дата обращения: 21.04.2016).
11. Залывский Р. Н. Угрозы терроризма в Российской Арктике // Арктика и Север. 2014. № 17. С. 44–59. (Zalyvskiy R. Terrorist threats in Russia's Arctic. 2014. № 17. P. 44–59.)
12. Барбин В. В. Россия настроена на сотрудничество в Арктике // Арктические ведомости. 2015. № 3(14). С. 12–17.

Для цитирования: Лукин Ю. Ф. Арктические мегатренды в изменяющемся мире // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 72–80. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.207

References

1. Lipina S. A. «Zelenaia» ekonomika — put' razvitiia gosudarstv v XXI veke ["Green" economy — the way of states' development in 21st century]. *Arkticheskie vedomosti* [Arctic bulletin], 2015, no. 3, pp. 54–59. (In Russian)
2. *Zelenaia ekonomika* [Green economy]. Available at: <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic> (accessed 24.10.2015).
3. Lukin Iu. F. *Velikii peredel Arktiki* [The great partition of Arctic]. Arhangelsk, Northern Arctic Federal University Publ., 2010. 400 p. (In Russian)
4. Lukin Iu. F. *Rossiiskaia Arktika v izmeniaiushchemsia mire: monografiia* [Russian Arctic in a changing world: monograph], Arhangelsk, NAFY Publishing house, 2013. 281 p. (In Russian)
5. Howard R. *The Arctic Gold Rush. The New Race for Tomorrow's Natural Resources*. London, New York, Continuum books Publ., 2009. 272 p.
6. Khranchikhin A. A. Znachenie Arktiki dlia natsional'noi bezopasnosti Rossii, Kitai mozhetsia stat' arkticheskoi derzhavoi [The Importance of Arctic for Russia's national security, China may become the Arctic power]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 94–96. (In Russian)
7. Mielcarek R. *Arktika — vtoroi front dlia Rossii. 18.04.2014* [Arctic — the second front for Russia. 18.04.2014]. Available at: <http://inosmi.ru/world/20140418/219663638.html> (accessed 20.04.2014).
8. Ivanter V. V., Leksin V. N., Porfir'ev B. N. *Arkticheskii megaproekt v sisteme gosudarstvennykh interesov i gosudarstvennogo upravleniia* [Arctic mega-project in the system of state's interests and public administration]. Available at: usrand.ru/analytics/arkticheskij-megaproekt-v-sisteme-gosudarstvennykh-interesov-i-gosudarstven-nogo-upravleniia (accessed 01.04.2015).
9. *O zasedanii kollegii MID Rossii* [On the session of Russian Foreign Ministry board]. Available at: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/5998AF30EFA54CDC43257E6D0037118B (accessed 13.09.2015).
10. Arkticheskii shelf: posledstviia izmeneniia v 1997 g. mezhdunarodno-pravovoi pozitsii Rossii (beseda s A. N. Vylegzhaninym) [перевод]. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. Available at: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=237724 (accessed 21.04.2016).
11. Zalyvskii R. N. Ugrozy terrorizma v Rossiiskoi Arktike [Terrorist threats in Russia's Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 17, pp. 44–59. (In Russian)
12. Barbin V. V. *Rossia nastroena na sotrudnichestvo v Arktike* [Russia is tuned on cooperation in Arctic]. *Arkticheskie vedomosti* [Arctic bulletin], 2015, no. 3 (14), pp. 12–17. (In Russian)

For citation: Lukin Yu. F. Arctic megatrends in a changing world. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 6. Political science. International relations*, 2016, issue 2, pp. 72–80. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.207

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2015 г.,
рекомендована в печать 10 марта 2016 г.